
УДК 316.7; 316.4

DOI: 10.31249/rsoc/2026.01.02

НЕМИРОВСКИЙ В.Г.* КОНЦЕПТ «УТОПИЯ VERSUS АНТИ-УТОПИЯ» В КОНТЕКСТЕ ОБРАЗА ЖЕЛАЕМОГО БУДУЩЕГО

Аннотация. Актуальность настоящей статьи определяется недостаточной освещенностью в отечественных социологических публикациях феноменов утопии / антиутопии, которые в значительной степени проявляются в представлениях жителей страны о своем желаемом будущем. Цель статьи заключается в анализе концепта «утопия versus антиутопия» как важной составляющей образа желаемого будущего. В качестве научных методов использовались обобщение и вторичный анализ материалов исследований, опубликованных в российских социогуманитарных журналах. Показано, что утопия и антиутопия выступают двумя элементами единой социокультурной системы, которая опирается на утопическое общественное сознание. Выделены функции и виды утопии. Отмечена важность эмпирических социологических исследований данной тематики в целях социального прогнозирования.

Ключевые слова: утопия; антиутопия; образ желаемого будущего; социологические исследования.

Для цитирования: Немировский В.Г. Концепт «утопия versus антиутопия» в контексте образа желаемого будущего // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2026. – № 1. – С. 14–33. – DOI: 10.31249/rsoc/2026.01.02

Статья поступила: 24.12.2025.

Принята к публикации: 15.01.2026.

* Немировский Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; valnemirov@mail.ru

NEMIROVSKY V.G.** The concept of “utopia versus dystopia” in the context of the image of the desired future

Abstract. The relevance of this article is determined by the insufficient coverage in Russian sociological publications of the phenomena of utopia/dystopia, which are largely manifested in the ideas of the country's population about the desired future. The purpose of the article is to analyze the concept of “utopia versus dystopia” as an important component of the image of the desired future. Generalization and secondary analysis of research materials published in Russian socio-humanitarian journals were used. It is shown that utopia and dystopia are two elements of a single socio-cultural system based on utopian social consciousness. The functions and types of utopias are highlighted. The importance of empirical sociological research on this topic for the purposes of social forecasting is noted.

Keywords: utopia; dystopia; the image of the desired future; sociological research.

For citation: Nemirovsky V.G. The concept of “utopia versus dystopia” in the context of the image of the desired future. *Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]*. – 2026. – N 1. – P. 14–33. – DOI: 10.31249/rsoc/2026.01.02

Received: 24.12.2025.

Accepted: 15.01.2026.

Возможное богаче реального. Кто лучше обществоведов может знать это? Почему же мы так боимся обсуждать возможное, анализировать и исследовать его? Нам следует поместить не утопию, но утопистику в центр обществоведческих исследований. Утопистика – это оценка возможных утопий, их ограниченности и препятствий, мешающих их воплощению. Это анализ реальных исторических

** Nemirovsky Valentin Gennadievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; valnemirov@mail.ru

*альтернатив в настоящем. Это примирение
поиска истины с поиском блага.*

И. Валлерстайн¹

Введение

Анализ социальных утопий и антиутопий широко представлен в современном научном дискурсе. Эти феномены изучаются с позиций различных дисциплин: философии, политологии, истории, социологии, культурологии, искусствоведения, филологии, медиологии, психологии, а также ряда других наук. Нередко используется междисциплинарный подход. Более 30 лет издается научный журнал «Utopian studies». Однако в современной отечественной социологии изучение утопий и антиутопий находится на обочине научного мейнстрима. Большинство исследований по этой тематике проводятся с позиций философских и политологических наук. Так, с точки зрения проблематики, рассматриваемой в нашей работе, немалый интерес имеют публикации, представленные в политологическом дискурсе, например: [Фишман, 2020; Иншаков, 2022; Вантеевский, 2024].

Увы, современная отечественная социология уделяет этим вопросам явно недостаточное внимание. Как верно замечает Н.В. Романовский, «утопизм в современной России отторгают во всем. Но не впадаем ли мы и здесь в крайность?» [Романовский, 2015, с. 19]. По его словам, «бесспорно, страна не должна жить без образа будущего – пусть “утопического” по причинам не столько социологическим, сколько общенациональным. Современной России и ее науке не чужды вопросы будущего. <...> российским социологам методологически важно учитывать общественно-исторический контекст такой проблематики» [там же, с. 18]. Е.А. Григорьева констатирует, что «отечественная социология сегодня не предлагает альтернативный образ будущего». Согласно ее мнению, отказываясь от утопических контуров, социологическая наука перестает предлагать видение иного лучшего мира, перестает давать социальные идеалы, в конечном счете сводясь к фиксации существующей реальности и предсказанию того, что может произойти при сохранении существующих процессов [Григорьева, 2024, с. 144]. Учитывая эвристическую ценность утопических построений, представляется, что перспективной задачей оте-

¹ См.: [Валлерстайн, 2003, с. 288–289].

чественной социологии сегодня является обращение к утопическому воображению и формирование с его помощью альтернатив российского будущего, предложение путей к достижению общественного идеала [там же].

С точки зрения Д.В. Иванова и Ю.В. Асочакова, «большинство социологических исследований проводятся как описание и объяснение настоящего – социальных явлений, наблюдаемых в режиме “здесь и сейчас”. Однако объект и предмет социологии диахронны: объектом социологии является настоящее, ее предметом (явным или латентным) – будущее» [Иванов, Асочаков, 2016, с. 3].

Проблемный вопрос нашего исследования заключается в недостаточной изученности современной отечественной социологией самого феномена социальных утопий (антиутопий) и различных аспектов их реализации в общественном сознании и социальной практике. **Цель работы** состоит в анализе концепта «утопия versus антиутопия» в контексте изучения образа желаемого будущего. **Методы исследования**: обобщение и вторичный анализ материалов исследований, представленных в отечественных социогуманитарных журналах.

В соответствии с междисциплинарным характером данной проблемы в нашем исследовании будут использованы данные не только социологии, но и ряда смежных дисциплин.

Современные социальные утопии (антиутопии), их виды и функции

Большинство современных авторов солидарны в понимании сущности концепта социальной утопии и связанной с ней антиутопии. Так, Л.А. Жгилева на основе анализа монографий, диссертаций и статей, опубликованных в российских научных рецензируемых журналах, делает вывод о том, что «в российском дискурсе утопию чаще рассматривают в качестве “места, которого нет”. Если утопию интерпретируют как “благословенную землю”, то она выступает только как идеал или постоянно ускользающая линия горизонта. В случаях, когда речь идет о возможности реализации утопии, отмечается, что она перестает быть утопией и претерпевает ряд кардинальных изменений, превращаясь в свой антипод» [Жгилева, 2024, с. 85].

Д.В. Соломко и соавторы предлагают детальное определение утопии, которое учитывает различные ее аспекты и характеристики: «При всем разнообразии утопических проявлений (ухрония,

дистопия, гетеротопия, практопия, эупсихия, экотопия и пр.) утопию в самом общем виде можно понимать как устойчивое представление образа существования, невозможного в актуальном хронотопе» [Соломко, Соколов, Невелева, 2022, с. 52]. Мы считаем, что первостепенное значение для социологической науки имеет разделение авторами статьи характеристик феноменов «утопия», «мечта» и «проект»: от произвольных мечтаний и грез любого рода утопия отличается тем, что порождается совокупностью объективных обстоятельств, существенно значимых для субъекта, обладает относительной полнотой структурно-содержательных характеристик и включает переживание надежд на вероятность осуществления. От реалистичных проектов утопию отличает отсутствие видения путей ее воплощения либо их неосуществимость в актуальном времени.

Вместе с тем представляется ошибочным высказанное в статье утверждение, согласно которому «утопия выступает воображаемым, виртуальным объектом чуждого несбыточного» [там же], ибо оно исключает из познавательного процесса другой равноценный элемент диалектической диады «утопия – антиутопия», то есть антиутопию. Исследователи не учитывают, что процесс социокультурных изменений в любом обществе представляет собой переход от утопии к антиутопии и обратно.

Проведенный нами анализ свидетельствует, что большинство авторов сходятся во мнении, согласно которому сущность утопии заключается в описании ряда основополагающих черт идеального социума (общества, государства). Напротив, антиутопии характеризуют некие нежелательные для определенной части жителей страны характеристики общественного бытия. Однако, независимо от отношения к ним тех или иных групп населения, утопия и антиутопия неотделимы друг от друга как чередующиеся периоды диалектического социокультурного процесса. Поэтому целесообразно говорить о существовании единого концепта, который условно можно назвать «утопия *versus* антиутопия».

На основании анализа исследований феномена утопии, проведенных российскими авторами в период с 2005 по 2016 годы, Л.А. Морщихина делает следующие выводы. 1) Расширилось количество методологических подходов к анализу феномена утопии. Теперь его рассматривают также с позиций феноменологии, психоанализа, структурализма, постмодерна. Активно применяют исторический, философский, психологический и культурологический подходы. 2) Феномен утопии обрел новые смыслы и

характеристики в виртуальной реальности (виртуальный эстетический опыт). 3) Не угасает актуальность вопроса о необходимости утопических практик в современном мире. На наш взгляд, важен вывод, согласно которому «авторы исследований сходятся во мнении, что интерес к утопии возрастает в критические моменты жизнедеятельности общества» [Морщихина, 2017, с. 52].

В работе О.Н. Халуторных утопия рассматривается через призму теории аттракторов – концепции нелинейной динамики, описывающей состояние, к которому эволюционирует любая открытая система. Как известно, аттрактор задает не только конечную цель трансформации, но и основные параметры ее достижения (методы, формы, временные и пространственные рамки). По ее мнению, именно утопия, в деталях демонстрирующая реформаторам и их последователям образ эталонной реальности и пути ее формирования, выступает специфической формой социального прогноза и предвидения будущего общества, обретает большее значение в период максимальной нестабильности. Опираясь на методы структурно-функционального и системного анализа в рамках синергетической парадигмы, автор выделяет «ключевые характеристики утопии как функционального элемента аттрактивного управления (интегративность, адаптивность, телеологичность)», а также «подтверждает тезис о способности утопических моделей в кризисных условиях социальных систем влиять на выбор и реализацию устойчивых траекторий развития общества» [Халуторных, 2025, с. 161]. Как показывают исследования, утопические идеи, даже не полностью воплощенные в жизнь, уменьшают риски негативных сценариев развития общества [там же].

Используя междисциплинарный подход (философский, социологический, политологический, культурологический), В.А. Терлецкий, по нашему мнению, справедливо пишет, что антиутопии «...фокусируются на социальных, политических и экологических проблемах, рисуя мрачные сценарии будущего. И хотя антиутопии и служат предупреждением, их чрезмерная популярность формирует чувство безысходности и страха, ограничивая способность общества представлять позитивные альтернативы» [Терлецкий, 2025, с. 94]. Согласно его выводам, переход от антиутопии к утопии как доминирующей концепции в общественном дискурсе необходим для преодоления кризиса веры в прогресс, развития конструктивного мышления и мобилизации общества на решение глобальных проблем [там же].

Ряд социологов акцентирует свое внимание на проблеме жилищной антиутопии, неотъемлемой частью которой являются различные социальные страхи и практики эскапизма. Так, Д.В. Литвинцев делает вывод, согласно которому отдельные идеи из антиутопических научно-фантастических произведений уже нашли свое отражение в реальности как самоисполнившиеся пророчества. Высотки и «умные» дома начинают переосмысляться из утопий в антиутопии [Литвинцев, 2023, с. 180]. По мнению автора, «современный город представляет собой мозаику утопических и антиутопических пространств и зданий (в том числе жилых домов), что обусловлено социальной разнородностью его жителей, обладавших разнообразными формами утопического сознания на отдельных этапах развития общества» [там же, с. 186]. Следует подчеркнуть, что «жилищная антиутопия характеризуется новым типом дифференциации, разделяющим всех жителей городов на жилищные классы» [там же, с. 184].

В статье «Миопия после утопии: особенности современных представлений об идеальном городе» Е.А. Григорьева утверждает, что «ключевое отличие от предыдущих этапов видения города заключается в снижении объема социальных и утопических смыслов» [Григорьева, 2025, с. 65].

Очевидно, что необходимо учитывать существование междисциплинарной связи жанра антиутопии и социологии в изучении художественных концепций о перспективах развития современного мироустройства. Антиутопические городские хронотопы, которые появляются в романах Е.И. Замятина, О. Хаксли и Дж. Оруэлла, выступают маркером освещения истории человечества [Ковтуненко, Кудряшов, Соболева, 2023, с. 70].

Для выделения функций социальной утопии представляется эвристичным использование уже упомянутой выше теории аттракторов. Любая утопическая модель имеет универсальные системные свойства, которые, согласно обоснованному суждению О.Н. Халуторных, «гарантируют ее роль в управлении социальными процессами в любом историческом периоде». Среди основных функций утопии необходимо выделить формирование целостного образа желаемого будущего. В нем объединяются в общую конструкцию различные элементы социума, даже те, которые между собой непосредственно не связаны: институты, вырабатывающие и транслирующие аксиологические нормы, этические принципы, государственные стратегии, методы управления. Этот образ «вдохновляет политиков, реформаторов на выбор некоего вектора

развития, уменьшая количество возможных вариантов, и тем самым снижает энтропию реальной общественной системы за счет синхронизации действий отдельных социальных групп и индивидов» [Халуторных, 2025, с. 163].

Социальная утопия и антиутопия, по сути, два диалектически взаимосвязанных элемента одной социокультурной системы. Как нам уже доводилось писать, социальную утопию можно представить как яркий, привлекательный образ, который нередко скрывает ее неприглядный, но неизбежный антипод – антиутопию. Каждый из этих элементов выполняет свою функцию: утопия способствует развитию данной системы, ее распространению, приспособлению утопических идеалов к традициям того или иного социума; антиутопия выполняет функцию сохранения системы в конкретном социуме, когда уже наступило массовое разочарование в содержании данного утопического проекта, в его ценностях и идеалах. Антиутопия, зачастую под маской вытесняемой ею утопии, приносит ей на смену иные ценности и нормы, не меняя сути самой утопической системы в целом; массовое сознание социума и методы действия представителей власти могут так и оставаться утопическими [Немировский, 2015, с. 97].

В России с начала 1990-х годов была институционализована либерально-демократическая утопия с ее недостижимыми идеалами всеобщего процветания, основанного на стремлении к обогащению и безудержному потреблению, не ограниченному никакими морально-этическими нормами. В середине 1990-х годов в относительном, весьма противоречивом и неустойчивом равновесии в общественном сознании сосуществовали либерально-демократическая утопия и неолиберальная антиутопия. Преобладание антиутопии условно можно исчислять с момента дефолта (август 1998 г.), который привел к усилению падения жизненного уровня, люмпенизации и прекаризации немалой части людей, поверивших в притягательные лозунги и ценности либерально-демократической утопии. Произошел резкий переход от утопии, с ее радужными надеждами на экономическое процветание и прогресс демократии, к реальности антиутопии с перспективами существования страны как сырьевого придатка более развитых государств, когда на фоне бедности и депривации масс процветают представители коррумпированного чиновничества и аффилированные с ними структуры крупного бизнеса, связанного главным образом с добычей и экспортом природных ресурсов.

Особую роль в функционировании утопии в обществе играет распространение утопического сознания. Е.В. Золотухина-Аболина анализирует утопическое сознание как социальный конструкт, создаваемый влиятельными социальными группами для реализации своих интересов. Он распространяется с помощью СМИ. Автор считает, что идеологии, в том числе производимые наличной властью, всегда одновременно являются утопиями для масс [Золотухина-Аболина, 2024, с. 870]. По ее заключению, утопический компонент присущ любому человеческому целеполаганию и проектированию, поскольку проект – это результат недовольства наличной реальностью. Он несет в себе стремление к переменам, радикальным перестройкам, но на первых порах в человеке доминирует желание и еще не оформленный образ – как цели, так и пути ее реализации. Поэтому первая фаза проектирования всегда утопична [там же, с. 858]. Приводятся подробные характеристики двух «мощных линий сконструированной утопичности: с одной стороны, это глобалистско-технократическая утопия, отвергающая все нормы и традиции “ради трансгуманистического будущего”, с другой – консервативно-архаическая утопия, желающая вернуть мир в Средневековье. Оба подхода выступают как далекие от реальности» [там же, с. 870].

В современной России имеет место противоречивое сочетание различных утопий и антиутопий, которые в той или иной степени представлены в общественном сознании и социальных практиках. Согласно нашим исследованиям, «в начале XXI в. в массовом сознании начался процесс актуализации феодальной и рабовладельческой социально-утопических моделей, причем при доминировании неолиберальной антиутопии» [Немировский, 2016, с. 46].

В процессе анализа современного утопического сознания нельзя не обратить внимания на работу, которая посвящена философскому исследованию утопического характера представлений о родине в массовом сознании. По мнению исследователей, утопическое сознание не тождественно массовому, оно представлено в нем не только стилем мышления, но и особой разновидностью, которой является утопия родины. Так, «утопия родины может иметь национальную форму выражения, однако является универсальным явлением: она есть константная категория всех времен и народов, выражающая необходимость человека как в проектах будущего, так и в способе адаптации к настоящему» [Свобода, Воробьева, 2025, с. 20]. Следует акцентировать, что утопия, которая

выступает ценностно-ориентированной формой массового сознания – это не образ возможного и вероятного в определенное время, а образ желаемого [там же, с. 22].

Утопия как образ желаемого будущего

Мы полагаем, что любая утопия всегда содержит некий образ желаемого будущего (хотя зачастую он является идеализированным отражением прошлых событий). Поэтому нарративы утопий играют важную роль в формировании общественного сознания, предлагают альтернативные модели организации социума, выражают политические, общественные идеалы различных социальных групп [Халуторных, 2025, с. 167]. Например, отмечается стремление использовать утопию позитивного прошлого для формирования будущего в нашей стране: «В России все наши так называемые идеологические группы, как властные, так и оппозиционные, они все пытаются строить будущее как воспроизведение какого-то хорошего прошлого...» [Кордонский, 2016]. Социолог С.Г. Кордонский выделяет три группы людей в зависимости от их восприятия исторического времени, которое влияет на политическое развитие страны: «... фундаменталисты, прогрессисты и аппаратчики. Фундаменталисты считают, что будущее – это воспроизведение хорошего прошлого, но очень сильно различаются между собой точкой, в которой история пошла не тем путем. Собственно конфликт внутри фундаменталистов – это конфликт по поводу точки, где история разошлась <...>. Прогрессисты – это люди, которые считают, что прошлое не имеет значения, настоящее плохо, мы строим светлое будущее, основанное на технократических идеях, на этом пути мы конвергируем с Западом. <...> Третья категория людей – это аппаратчики, те, которые во власти. Они живут во времени выполнения бумаги, исполнения поручений. У них нет ни прошлого, ни будущего. Развитие политическое, насколько я понимаю, в нашей системе – это союз аппаратчиков с одной из этих идеологических групп или мифологических групп, скорее мифологических, а не идеологических» [там же].

Справедливости ради следует сказать, что антиутопия, как ярко показано в знаменитых романах Дж. Оруэлла, Е. Замятина, Р. Брэдли, У. Голдинга и др. авторов, тоже может выступать образом будущего, хотя, очевидно, для большинства людей «нежелаемого».

Анализу образа будущего в сознании жителей России посвящено немало социологических публикаций. Например, Р.В. Петухов предлагает понимать «образы будущего» как устойчивые концептуальные конструкции, отражающие культурные и ценностные ориентиры соответствующего общества». В отличие от них, «представления о будущем» определяются им «как ситуативные ожидания, реагирующие на такие краткосрочные вызовы, как социально-экономические и политические кризисы» [Петухов, 2025, с. 7]. Согласно массовым опросам ФНИСЦ РАН для большинства респондентов наиболее востребованным образом будущего на протяжении всего последнего десятилетия является экономически развитое государство, влияющее на международные дела политическими методами [там же]. Образы будущего остаются стабильными на протяжении многих лет, поскольку отражают глубокие культурные и ценностные ориентиры соответствующего общества, считает автор [там же, с. 20].

Во многих отечественных работах, посвященных представлениям респондентов об образе желаемого будущего, последний рассматривается как образ будущего нашей страны в целом. Так, исследования, проведенные среди молодежи страны в возрасте 15–35 лет, позволили сделать вывод о том, что в центре образа желаемого будущего лежит «мир, обустроенный для моей жизни и моих близких: семья и понимание ее значимости, среда как совокупность внешних (объективных) факторов развития, включая институциональный механизм сохранения самой жизни и поддержания ее качества, эффективная система организации и управления. В таком наборе взаимосвязанных целей просматривается не только эгоцентрическая направленность сознания молодых людей. В нем отражены социальные проблемы, решение которых способно стать предпосылкой развития общества» [Зубок, Селиверстова, 2022, с. 70]. Более того, Ю.А. Зубок и Н.А. Селиверстова утверждают, что ключевые смыслы, артикулируемые молодежью в качестве основных целей, корреспондируют с общественно-политическим дискурсом последних лет [там же].

В последние годы опубликован ряд региональных исследований образа желаемого будущего, которые, наряду с региональной спецификой, выявляют в целом похожие тенденции. Так, Ю.Р. Вишневский с коллегами анализируют образ желаемого будущего страны в сознании уральских студентов в его совпадении / расхождении с образом будущего, предлагаемого элитами [Вишневский, Тарасова, Телепаева, 2021]. А.А. Вилков рассматривает кейс моло-

дежи Саратовской области [Вилков, 2022]. Структура и динамика образа желаемого личного будущего населения одного из крупнейших регионов России, Красноярского края, изучались в контексте теории общества травмы в 2015–2023 годах [Немировский, Новиков, 2025] и др.

Результаты масштабного социологического исследования, в котором был использован психографический метод (36 фокус-групп, проведенные в 18 населенных пунктах 14 российских регионов), демонстрируют представления населения нашей страны о желаемом будущем. На основании анализа рисунков и стенограмм фокус-групп ученые выделяют шесть масштабных несоответствий (расколов) внутри российского общества, которые в долгосрочной перспективе могут привести к масштабному социально-политическому кризису [Социология российского образа будущего ... , 2022, с. 117]. Это: 1) слабое соответствие формального статуса чиновничества на федеральном, региональном, муниципальном уровне его реальной легитимности; 2) отставание динамики цен от изменений зарплат и пенсий (в том числе отсутствие индексации у работающих пенсионеров); 3) дисбаланс между чувством исторического, культурного, международного величия страны, пониманием ее национального богатства и несоответствия им по субъективному ощущению своего уровня жизни; 4) разрыв между уровнями жизни в Москве и в регионах; 5) отрыв «картинки» в телевизоре и интернете от реальной (наблюдаемой) картины жизни; 6) разрыв между уровнем потребления политической, творческой, бизнес-элиты и «потребительской корзиной» «простых людей». Авторы публикации приходят к выводу, что массовый человек отлично осознает несоответствия внутри российского общества и считает их основными проблемами при организации будущего [там же, с. 134]. К числу важнейших показателей утопичности массового сознания россиян, на который указывают результаты цитируемой работы, относится такая широко распространенная черта респондентов, как «крайне низкий уровень ответственности за собственное будущее и желание переложить ее на государство» [там же].

Исследования образа будущего в сознании российской молодежи позволяют сделать вывод о том, что «в обществе образовался явный дефицит политики, основанной на законе, порядке, справедливости, правах человека, мире». Идеалы правового государства, справедливости, законности и уважения к правам человека представляют собой ключевые точки напряжения в обществен-

ном сознании. Именно эти ценности будут играть определяющую роль в формировании социально-политической обстановки как в настоящем, так и в перспективе, направляя политические предпочтения общества, особенно его наиболее восприимчивой к переменам молодежной аудитории [Левашов, Гребняк, Новоженина, 2021, с. 117].

Общероссийское репрезентативное исследование, проведенное ИС ФНИСЦ РАН в марте 2022 г. ($n = 2000$), показало, что большинство россиян (54%) убеждены в необходимости реализации самобытного, отличного от западной модели, вектора развития нашей страны, в то время как меньшинство (19%) являются сторонниками сближения с западными государствами и ориентации на их пример в будущем [Сушко, 2022, с. 25]. На наш взгляд, логично предположить, что первое направление содержит характеристики социальной утопии, а второе – антиутопии.

Данные другого общероссийского исследования ИС ФНИСЦ РАН (июнь 2023 г.) свидетельствуют о сосуществовании в массовом сознании россиян четырех востребованных образов будущего. Автор условно определяет их как «государство равенства и справедливости», «государство традиционных ценностей», «национальное государство» и «государство свободного рынка» [Коленникова, 2023, с. 91]. Первые три из них, по мнению автора статьи, выступают «детерминантой консолидации населения на позиции самостоятельного развития России. <...> Четвертый образ, который теряет поддержку массовых слоев, объединяет сторонников следования России по западному вектору развития» [там же].

В рамках данной проблематики особый интерес представляют данные социологического исследования, которое было проведено в 12 городах России (среди студентов, в том числе получающих второе высшее образование) на базе Всероссийского государственного университета юстиции и его филиалов. Его авторы демонстрируют эвристичный методологический подход, позволивший выявить специфику представлений респондентов о социальной утопии и антиутопии. Опрашиваемым было предложено охарактеризовать три модели социального воображаемого: «лучшее общество» (утопия), «плохое общество» (антиутопия) и «хорошее общество» (достижимое, пригодное для жизни и развития). В результате получены индексы проективных запросов на воплощение этих моделей в социальном будущем [Ушкин, Коваль, 2020, с. 28–29].

Также был определен обобщенный образ ожидаемого «хорошего общества», который представляет минимум макросоциальных параметров, требующихся для достижения счастья. Главными элементами этого образа выступают «ориентация на справедливость, равенство возможностей, мультикультурность, многонациональность и многоконфессиональность, законность и активная позиция граждан в поддержании социального порядка» [там же, с. 35]. Значительная часть опрошенных полагает, что ситуация в нашем обществе в определенной мере соответствует этому определению [там же, с. 37].

Основными чертами антиутопии, или «плохого общества», студенты-юристы назвали то общество, в котором доминируют культуры групп меньшинств (64%); политические, материальные и другие преимущества имеет титульная нация (61%); установлена официальная религия (52%); которое справедливо для групп меньшинств (51%).

Утопия, то есть «лучшее общество», – это общество равных возможностей (46%); справедливое для всех (59%); в котором все культуры имеют равную значимость (мультикультурное) (51%); большинство соблюдает законы (52%); которое следует нормам морали (46%) [там же, с. 35].

Как видим, у респондентов существуют несколько противоречивые представления об утопии и антиутопии. Можно предположить, что полученные данные в определенной мере отражают специфику опрашиваемого контингента.

Заключение

В научной литературе выделяют различные виды утопий и антиутопий, которые авторы публикаций часто характеризуют неоднозначно. Но в любом случае концепт «утопия versus антиутопия» выражает два элемента единой социокультурной системы, которая опирается на утопическое общественное сознание. С определенной периодичностью в массовом сознании населения и реализуемых в обществе социальных практиках доминирует один из ее элементов.

Собственно, утопия выполняет двойную функцию. С одной стороны, она способствует социальной стабильности, задавая общие цели, уменьшая неопределенность и предлагая видение будущего, что позволяет прогнозировать его трансформацию. С другой стороны, в периоды кризиса утопия становится катализатором пе-

перехода системы от дезорганизованных флуктуаций к целенаправленной самоорганизации, превращая идеализированное представление о будущем в действенный инструмент для преобразования действительности.

По нашему мнению, Россия являет собой совокупность различных субцивилизаций, часть из которых в определенной мере совпадает с границами ряда федеральных округов. Соответственно, процессы перехода современной антиутопии к новой утопии в разных регионах России (как, впрочем, и ее социокультурная специфика в различных регионах и субрегионах) будут неодинаковы и асинхронны. Очевидно, некоторые «отстающие» территории могут существенно тормозить процесс общих социокультурных изменений в нашей стране, связанных с реализацией новой утопии.

В последние годы в России наблюдаются процессы усиления реальной борьбы с коррупцией и оформившееся противостояние сторонников «евразийско-патриотического» вектора развития страны с активными носителями принципов и идеалов так называемой либерально-западной антиутопии. Можно сделать вывод, что мы живем в процессе сложного и противоречивого перехода от антиутопии к утопии, основные черты которой уже четко проявляются в образе желаемого будущего наших соотечественников. Безусловно, в массовом сознании современных россиян присутствует довольно широкий спектр образов желаемого будущего, однако они имеют ряд центральных элементов, которые представляются привлекательными для многих жителей нашей страны (при этом существуют значительные различия по возрастным когортам и другим видам социальных групп).

Проведенный нами анализ свидетельствует о явном недостатке в отечественном социологическом дискурсе эмпирических работ, посвященных изучению утопий и антиутопий в современной России. При этом широко представлены исследования образов желаемого будущего у населения страны, которые, во многих случаях, могут быть интерпретированы в контексте системы «утопия – антиутопия».

Список литературы

Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. – Москва : Логос, 2003. – 368 с.

Вантеевский М.М. Идеологическая роль и содержательные особенности антиутопических нарративов в российской массовой культуре // Вестник Москов-

ского университета. Серия 12: Политические науки. – 2024. – № 5. – С. 40–53. – DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-5-40-53

Вилков А.А. Ценностно-идеологический фактор формирования у современной молодежи образа будущего России (региональный кейс) // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер. Социология. Политология. – 2022. – Т. 22, № 1. – С. 101–107. – DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-1-101-107

Вишневский Ю.Р., Тарасова А.Н., Телпаева Д.Ф. Образ будущего глазами уральских студентов // Siberian socium. – 2021. – Т. 5, № 3. – С. 84–98. – DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-3-84-98

Григорьева Е.А. Апология утопии: о возвращении утопических построений в социологическое теоретизирование // Социологические исследования. – 2024. – № 4. – С. 139–147. – DOI: 10.31857/S0132162524040129

Григорьева Е.А. Миопия после утопии: особенности современных представлений об идеальном городе // Социологические исследования. – 2025. – № 6. – С. 65–77. – DOI: 10.31857/S0132162525060067

Жиглева Л.А. Дискурсивное пространство изучения феномена утопии в современной России: парадигмальный анализ // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 85–98. – DOI: 10.37482/2687-1505-V323

Золотухина-Аболина Е.В. Утопическое сознание: антропологическая универсалия и социокультурный конструкт // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Философия. – 2024. – Т. 28, № 3. – С. 858–871. – DOI: 10.22363/2313-2302-2024-28-3-858-871

Зубок Ю.А., Селиверстова Н.А. Смысловые компоненты образа будущего страны в представлениях молодежи // Наука. Культура. Общество. – 2022. – Т. 28, № 4. – С. 56–74. – DOI: 10.19181/nko.2022.28.4.5

Иванов Д.В., Асочаков Ю.В. Социальное будущее в перспективе диалектической теории // Социологические исследования. – 2016. – № 8. – С. 3–12.

Инишаков И.А. Современность как время для утопии // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журн. полит. философии и соц. политики). – 2022. – № 1. – С. 7–23. – DOI: 10.30570/2078-5089-2022-104-1-7-23

Ковтуненко И.В., Кудряшов И.А., Соболева Ю.С. Хронотоп антиутопического города: энтропия мысли, социальной активности и исторического времени // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12, № 5. – С. 70–86. – DOI: 10.18522/2227-8656.2023.5.5

Коленникова Н.Д. Образы «России будущего» в представлениях граждан // Социологические исследования. – 2023. – № 10. – С. 91–103. – DOI: 10.31857/S013216250028307-0

Кордонский С.Г. «В России не принадлежит никому ничего, все можно отобрать...» // Бизнес Online. – 2016. – 3 апреля. – URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/306628> (дата обращения: 22.12.2025).

Левашов В.К., Гребняк О.В., Новоженкина О.П. Образы будущего в сознании российской молодежи: ценностные ориентации, цифровые инновации и социально-политические ожидания // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия Социально-экономические науки. – 2021. – Т. 14, № 2. – С. 104–120. – DOI: 10.17213/2075-2067-2021-2-104-120

Литвинцев Д.Б. Жилищная антиутопия в современном обществе: социологический диагноз // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2023. – № 72. – С. 180–189. – DOI: 10.17223/1998863X/72/16

Морицхина Л.А. Исследование феномена утопии в современной России: парадигмальный анализ // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – № 2. – С. 46–57.

Немировский В.Г. Регионы Восточной и Западной Сибири в контексте социокультурных трансформации модернизационных процессов в России. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : ИНФРА-М ; Красноярск : СФУ, 2016. – 165 с.

Немировский В.Г. Социокультурное развитие российских регионов в контексте современной российской антиутопии // Философские науки. – 2015. – № 8. – С. 95–106.

Немировский В.Г., Новиков А.С. Образ желаемого личного будущего жителей Красноярского края // Вестник Института социологии. – 2025. – Т. 16, № 2. – С. 151–167. – DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.8

Петухов Р.В. Образы и представления о будущем в динамике массового сознания россиян в 2014–2023 гг. // Социологическая наука и социальная практика. – 2025. – Т. 13, № 1. – С. 7–24. – DOI: 10.19181/snspr.2025.13.1.1

Романовский Н.В. Будущее как проблема современной социологии // Социологические исследования. – 2015. – № 11. – С. 13–22.

Свобода Н.Ф., Воробьева О.Б. Родина – утопия места (к анализу массового сознания) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2025. – № 4. – С. 20–28. – DOI: 10.47475/1994-2796-2025-498-4-20-28

Соломко Д.В., Сокоиков С.С., Невелева В.С. Экогуманистические аспекты компенсаторного механизма культуры // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 480. – С. 48–56. – DOI: 10.17223/15617793/480/6

Социология российского образа будущего: предварительные результаты / Токарев А.А., Кравчук И.Д., Бойко М.Ю., Ильинский Р.В. // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 5. – С. 117–136. – DOI: 10.17976/2022.05.09

Сушко П.Е. Представления россиян о путях развития России: распространенность и специфика // Социологические исследования. – 2022. – № 11. – С. 25–37. – DOI: 10.31857/S013216250021403-6

Терлецкий В.А. Роль утопического подхода в прогнозировании космополитического будущего // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – Т. 53, № 1. – С. 94–102. – DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1944

Ушкин С.Г., Коваль Е.А. Социальное будущее в представлениях будущих российских юристов // Вестник Института социологии. – 2020. – Т. 11, № 3. – С. 28–42. – DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.661

Фишман Л.Г. Посткапитализм и последняя (анти)утопия нашего времени // Полития. – 2020. – № 2. – С. 40–53. – DOI: 10.30570/2078-5089-2020-97-2-40-53

Халуторных О.Н. Утопия как аттрактор социальных изменений // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 3. – С. 161–168. – DOI: 10.25198/2077-7175-2025-3-161

References

- Fishman L.G. Post-capitalism and last (dys)topia of our time. *Politiya* [Politeia]. – 2020. – N 2. – P. 40–53. – DOI: 10.30570/2078-5089-2020-97-2-40-53 (In Russian)
- Grigoreva E.A. An Apology for utopia: come back of utopian constructions to the mainstream sociological theorizing. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. – 2024. – N 4. – P. 139–147. – DOI: 10.31857/S0132162524040129 (In Russian)
- Grigoreva E.A. Myopia after utopia: features of modern ideal city concepts. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. – 2025. – N 6. – P. 65–77. – DOI: 10.31857/S0132162525060067 (In Russian)
- Inshakov I.A. Modernity as a time for utopia. *Politiya* [Politeia]. – 2022. – N 1. – P. 7–23. – DOI: 10.30570/2078-5089-2022-104-1-7-23 (In Russian)
- Ivanov D.V., Asochakov Yu.V. The social future in the perspective of dialectical theory. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. – 2016. – N 8. – P. 3–12. (In Russian)
- Khalutornykh O.N. Utopia as an attractor of social changes. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. – 2025. – N 3. – P. 161–168. – DOI: 10.25198/2077-7175-2025-3-161 (In Russian)
- Kolennikova N.D. Images of “Russia of the future” in the representations of its citizens. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. – 2023. – N 10. – P. 91–103. – DOI: 10.31857/S013216250028307-0 (In Russian)
- Kordonsky S.G. “In Russia, nothing belongs to anyone, everything can be taken away...”. *Business online*. – 2016. – April 3. – URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/306628> (accessed: 22.12.2025) (In Russian)
- Kovtunen I.V., Kudryashov I.A., Soboleva Y. S. Chronotope of a dystopian city: entropy of thought, social activity and historical time. *Gumanitarnij Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. – 2023. – Vol. 12, N 5. – P. 70–86. – DOI: 10.18522/2227-8656.2023.5.5 (In Russian)
- Levashov V. K., Grebnyak O.V., Novozhenina O.P. Images of the future in the consciousness of Russian youth: value orientations, digital innovation and socio-political expectations. *Vestnik Yuzhno-rossijskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Series: Socio-economic science* [Bulletin of the south russian state technical university (NPI). Series: Socio-economic science]. – 2021. – Vol. 14, N 2. – P. 104–120. – DOI: 10.17213/2075-2067-2021-2-104-120 (In Russian)
- Litvintsev D.B. Housing dystopia in modern society: a sociological diagnosis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk state university journal of philosophy, sociology and political science]. – 2023. – N 72. – P. 180–189. – DOI: 10.17223/1998863X/72/16 (In Russian)
- Morshchikhina L.A. Research into the phenomenon of utopia in modern Russia: A Paradigmatic Analysis. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Series: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) federal university. Series: Humanitarian and social sciences]. – 2017. – N 2. – P. 46–57. – DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.2.46 (In Russian)

Nemirovskiy V.G. Socio-cultural development of Russian regions in the context of modern Russian anti-utopia. *Filosofskie nauki* [Russian journal of philosophical sciences]. – 2015. – N 8. – P. 95–106. (In Russian)

Nemirovskiy V.G. *The regions of Eastern and Western Siberia in the context of socio-cultural transformations of modernization processes in Russia*. – Moscow : INFRA-M ; Krasnoyarsk: SFU, 2016. – 2nd ed. revised and expanded. – 165 p. (In Russian)

Nemirovsky V.G., Novikov A.S. The image of the desired personal future of Krasnoyarsk Krai residents. *Vestnik Instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of sociology]. – 2025. – Vol. 16, N 2. – P. 151–167. – DOI: 10.19181/vis.2025.16.2.8 (In Russian)

Petukhov R.V. Images and expectations of the future in the dynamics of mass consciousness of Russians in 2014–2023. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [Sociological science and social practice]. – 2025. – Vol.13, N 1. – P. 7–24. – DOI: 10.19181/snsp.2025.13.1.1 (In Russian)

Romanovsky N.V. The future as a problem of modern sociology. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. – 2015. – N 11. – P. 13–22. (In Russian)

Sociology of the Russian image of the future: preliminary results / Tokarev A.A., Kravchuk I.D., Boyko M.Y., Ilyinsky R.V. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political studies]. – 2022. – N 5. – P. 117–136. – DOI: 10.17976/2022.05.09 (In Russian)

Solomko D.V., Sokovikov S.S., Neveleva V.S. Ecohumanistic aspects of the compensatory mechanism of culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk state university journal]. – 2022. – N 480. – P. 48–56. –DOI: 10.17223/15617793/480/6 (In Russian)

Sushko P.E. Russians' Ideas about possible ways of Russia's development: prevalence and specificity. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. – 2022. – N 11. – P. 25–37. – DOI: 10.31857/S013216250021403-6 (In Russian)

Svoboda N.F., Vorobeva O.B. Homeland is a utopia of place (to the analysis of mass consciousness). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk state university]. – 2025. – N 4. – P. 20–28. – DOI: 10.47475/1994-2796-2025-498-4-20-28 (In Russian)

Terletsky V.A. Role of the utopian approach in forecasting the cosmopolitan future. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i socium* [Journal of wellbeing technologies]. – 2025. – Vol. 53, N 1. – P. 94–102. – DOI: 10.18799/26584956/2025/1/1944 (accessed: 22.12.2025) (In Russian)

Ushkin S.G., Koval E.A. The future of society according to future Russian lawyers. *Vestnik Instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of sociology]. – 2020. – Vol. 11. – N 3. – P. 28–42. – DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.661 (In Russian)

Vanteevsky M.M. Ideological role and substantive features of dystopian narratives in Russian mass culture. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki* [Lomonosov political science journal]. – 2024. – N 5. – P. 40–53. – DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-5-40-53 (In Russian)

Vilkov A.A. The value-ideological factor in the formation of the image of the future of Russia among modern youth (a regional case). *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Sociologiya. Politologiya* [Izvestiya of Saratov University.

Sociology. Politology]. – 2022. – Vol. 22, N 1. – P. 101–107. – DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-1-101-107 (In Russian)

Vishnevsky Yu. R., Tarasova A.N., Telepaeva D.F. The image of the future through the eyes of Ural students. *Siberian socium*. – 2021. – Vol. 5, N 3. – P. 84–98. – DOI: 10.21684/2587-84-2021-5-3-84-98 (In Russian)

Wallerstein I. *The end of a familiar world. Sociology of the 21st century*. – Moscow : Logos, 2003. – 368 p.

Zhgileva L.A. Discourse space for studying the phenomenon of utopia in modern Russia: a paradigmatic analysis. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) federal university. Series: Humanitarian and social sciences]. – 2024. – Vol. 24, N 1. – P. 85–98. – DOI: 10.37482/2687-1505-V323 (In Russian)

Zolotukhina-Abolina E.V. Utopian consciousness: an anthropological universal and a socio-cultural construct. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya* [RUDN journal of philosophy]. – 2024. – Vol. 28, N 3. – P. 858–871. – DOI: 10.22363/2313-2302-2024-28-3-858-871 (In Russian)

Zubok Yu.A., Seliverstova N.A. Essential components of the image of the future of the country in the representations of the youth. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo* [Science. Culture. Society]. – 2022. – Vol. 28, N 4. – P. 56–74. – DOI: 10.19181/nko.2022.28.4.5 (In Russian)